

ВНУТРИ ЗЕЛЕНОЙ ПРИЗМЫ

АЛЬФЕУС Х. ВЕРИЛЛ

ПЕРЕВОД
ОЛЬГИ КУРМАК

Альфеус Верилл
Внутри зеленой призмы

«Автор»

2026

Верилл А.

Внутри зеленой призмы / А. Верилл — «Автор», 2026

В этой захватывающей научно-фантастической истории мы погружаемся в мир выдающегося профессора Рамона Амадора, который совершает революционное открытие в области физики и оптики. С его глубокими знаниями и уникальным подходом к науке, он исследует доисторические цивилизации Южной Америки, пытаясь разгадать тайны их технологий. Профессор Амадор, обладая живым воображением и страстью к загадкам, делает смелые выводы о том, что древние народы обладали уникальными знаниями о силах природы, которые могли бы изменить наше представление о физике и технологии. В ходе археологических раскопок в Эквадоре он находит удивительные артефакты, включая микроскопические золотые бусины и статуэтки с тончайшей резьбой, что ставит под сомнение современные научные теории. Ученый-археолог вместе со своим другом исследуют загадки древних цивилизаций. Их совместные усилия приводят к открытию древнего храма, где находят множество уникальных артефактов, подтверждающих теорию профессора о потерянных знаниях.

© Верилл А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Альфеус Верилл

Внутри зеленой призмы

Глава 1

Глава I.

Ученому довольно трудно разумно и интересно писать о науке, с которой он не знаком досконально, и еще труднее тому, кто привык иметь дело с неопровержимыми фактами и чисто научными истинами, описывать вопросы, которые для тех, кто никогда с ними не сталкивался, кажутся очевидными. Поэтому с величайшими колебаниями и только после долгих размышлений и бесчисленных уговоров моих коллег-ученых я решился рассказать поистине замечательную историю об удивительных открытиях и невероятных происшествиях, которые привели к ним, сделанные моим другом, профессором Рамоном Амадором, когда он работал со мной в Южной Корее.

Размышляя над этим вопросом, я убеждаюсь, что профессор Амадор, без сомнения, сделал самое заметное и революционное открытие в физике за последние два столетия. Это не только полностью опровергло многие предполагаемые законы и теории, которые в течение многих лет считались научными истинами, но, кроме того, он раскрыл совершенно новые и невообразимые силы и законы, как в области физики, так и в оптике. Я могу даже пойти дальше и недвусмысленно заявить, что его открытие пролило совершенно новый свет на наши общепринятые представления о материи, эфирных волнах, атомной теории, силе притяжения и даже на саму жизнь. Если бы она была разработана и доведена до сведения всего мира, это могло бы и, несомненно, принесло бы невообразимую пользу человечеству, хотя, с другой стороны, могло бы обернуться проклятием.

Но, как это бывало со многими эпохальными открытиями в мире науки, открытие моего друга было полностью утрачено почти сразу же после того, как оно было сделано, и с его потерей мир — каким мы его знаем — потерял одного из своих самых блестящих ученых, а я потерял самого преданного, любимого и уважаемого друга.

Профессор Рамон Амадор был перуанцем по происхождению, гражданином Соединенных Штатов по собственному выбору и всемирно признанным авторитетом в области физики и оптики. Он окончил университеты Санто-Доминго и Сан-Маркос в Куско и Лиме, получил степень доктора философии в Гарварде, окончил аспирантуру в Принстоне и Колумбийском университете, а также получил ученые степени в нескольких европейских колледжах.

Будучи счастливым обладателем стабильного дохода от выгодных инвестиций на своей родине, он смог посвятить все свое время учебе и исследованиям в выбранной им области науки. И хотя он возглавлял кафедру прикладной физики в Моултонском университете и читал курсы лекций по физике и оптике во многих учебных заведениях как в этой стране, так и за рубежом, он упорно отказывался от какой-либо постоянной работы, потому что в этом случае он был бы привязан к рутинной работе и не мог бы свободно следовать своим собственным склонностям и исследованиям.

Впервые я встретил Рамона, когда был в Перу, проводя археологические исследования в Куско, древней столице инков, и его окрестностях. Как и я, он проводил интенсивное изучение циклопических сооружений доинкской эпохи, но под совершенно другим углом зрения и с совершенно иной целью. Его интерес к руинам таинственной исчезнувшей расы был полностью сосредоточен на физике и механике этих колоссальных сооружений, в то время как мой был в равной степени сосредоточен на человеческих или антропологических особенностях. Поэтому наши интересы никогда не сталкивались, и время от времени каждый из нас делал открытия

или развивал теории, которые помогали другому, так что мы отлично ладили. Но даже при любых обстоятельствах мы стали бы верными друзьями.

Амадор был очень обаятельным и располагающим к себе человеком, если хорошенько его узнать, хотя случайному знакомому он казался сдержанным, немного отстраненным, если можно так выразиться, скорее самодостаточным, неэмоциональным, а временами даже резким и невежливым. Но эти черты характера были в значительной степени обусловлены скрытой застенчивостью и неуверенностью в себе, которые он так и не смог полностью преодолеть, а также подсознательным ощущением, что другие мужчины нисколько не интересуются им или его работой. Но как только его дружба и интерес были завоеваны, он показал себя совершенно другим человеком. Его подвижное лицо, обычно довольно серьезное, с тем неопишным, но типичным выражением грусти или пафоса, которое почти повсеместно встречается у перуанцев, оживилось. Его губы раздвинулись в очаровательной мальчишеской улыбке, прекрасные глаза заблестели, он многословно и увлекательно говорил почти на любую тему, шутил, смеялся и рассказывал бесчисленные интересные и трогательные истории.

Возможно, его самыми выдающимися качествами, за которые его больше всего любили те, кто знал его так близко, как я, были его огромная мягкость, доброта и нежность, его милосердие и способность прощать, его оптимизм по отношению к своим братьям — мужчинам и женщинам, его поэтический и артистический темперамент и его глубокое уважение — доходящее почти до благоговения — к женщинам. Несомненно, многие из этих черт были обусловлены его испанской кровью, но в его жилах также текла кровь инков, которая и определила некоторые из его самых замечательных черт. Хотя по внешности он ни в коем случае не был индейцем — ведь он был не темнее меня, — все же временами он казался почти полностью индейцем по темпераменту и, несмотря на его научную подготовку, на его преданность избранному делу и его удивительные способности к дедукции и логическому мышлению — в его характере было много от первобытного мистицизма, воображения и романтики.

Вся эта довольно пространная диссертация о характере профессора Амадора может показаться скучной и не имеющей реального значения, но на самом деле она чрезвычайно важна, поскольку проливает свет на последующие события, и без знания личности моего дорогого друга, его поступков, его психологии его окончательный конец казался бы невероятным, неестественным и необъяснимым. В течение того времени, когда мы были вместе в Куско, а затем в Тиауанако в Боливии, Рамон был постоянным источником знаний и вдохновения в моей археологической работе. Будучи уроженцем этой страны с примесью аборигенной крови и знатоком диалектов кечуа и аймара, он познакомился с коренными индейцами на их собственной территории, завоевал их доверие и позволил мне ознакомиться с мифами, баснями, народными преданиями и бесценной информацией, которой они никогда раньше не делились с посторонними. Кроме того, эти угнетенные потомки инков привели нас ко многим доселе неизвестным руинам их предков, и пока я изучал археологические особенности этих останков, мой друг проводил свои измерения и вычисления или проводил часы, уставившись на какое-нибудь монолитное сооружение с отсутствующим выражением лица, словно вглядываясь в прошлое и представляя себе средства, с помощью которых забытые расы достигли такого успеха, который был необъясним для него, даже при его знании законов физики. Также часто его натренированные глаза и мозг отмечали некоторые особенности структур, которые ускользали от меня, и, к моему полному изумлению, я вскоре обнаружил, что профессор Амадор придерживается самых революционных и ненаучных взглядов на загадочные сооружения этого района. Узнав меня поближе, он признался, что убежден в том, что древние Перуанцы и боливийцы обладали знаниями о силах и законах природы, которые нам неизвестны, и если бы их можно было открыть заново, они произвели бы революцию в промышленности, искусстве и даже в жизни нашей цивилизации.

Не то чтобы он считал их сверхъестественными — ведь, несмотря на его индейско-латиноамериканскую кровь, Рамон был совершенно лишен суеверий, но, как он вполне логично выразился, поскольку эти работы нельзя было объяснить никакими известными физическими законами и поскольку их невозможно было воспроизвести, даже с нашими передовыми механическими знаниями, они, должно быть, были выполнены каким-то неизвестным методом и знанием неизвестных законов или силы. Именно в надежде найти какую-нибудь зацепку или ключ к разгадке он посетил этот район, но по прошествии нескольких месяцев, когда я был вынужден отправиться в другие области, он признался, что не приблизился к разгадке ни на шаг.

Только на следующий год я снова встретился с профессором Амадором. Я вернулся из Эквадора, где в районе Манаби проводил обширные археологические исследования и где сделал несколько поистине эпохальных открытий останков доселе неизвестной, но высококультурной доисторической расы. Я едва успел, так сказать, начать, как был вынужден оставить работу из-за сезона дождей, и планировал вернуться к новой работе, как только позволит погода. Но даже за то короткое время, что я провел на месте, мне удалось раздобыть несколько интереснейших образцов. Среди них выделялся ряд замечательных золотых бус и украшений, не похожих ни на что известное до сих пор. При взгляде невооруженным глазом они казались всего лишь крупинками или крошечными самородками золота, за которые, собственно говоря, их и приняли, когда они были впервые найдены. Лишь немногие из них были чуть крупнее головки обычной булавки. При рассмотрении под мощным объективом стало видно, что это бусины ручной работы идеальной формы, чеканные, вырезанные, декорированные и перфорированные. Многие из них действительно состояли из нескольких почти микроскопических частей, спаянных или приваренных друг к другу.

В тот момент, когда я показал эти поистине удивительные образцы доисторической ручной работы профессору Амадору, он очень заинтересовался и пришел в восторг.

- Изумительно! - Воскликнул он, рассматривая мельчайшие золотые украшения с помощью карманной линзы. - Это самые удивительные образцы человеческого рукоделия, которые я когда-либо видел. Полная противоположность великолепным произведениям трансиндийских регионов! Мой друг, я верю, что ваше открытие может привести к окончательному разрешению всех загадок физики, которые я тщетно пытался разгадать. Подумайте об этом! С одной стороны, сооружения, сложенные из камней весом более ста тонн, обтесанные, подогнанные, поднятые на большую высоту, перевезенные за сотни миль квадратные и скошенные с математической точностью, искусно вырезанные, с огромными дверными проемами и порталами, как будто огнеупорная пиритовая порода была мягкой, как сыр. С другой стороны, эти крошечные, почти невидимые золотые бусинки, вырезанные, наращенные, перфорированные так идеально, так красиво, как будто они имеют несколько дюймов в диаметре или, что еще лучше, как будто они были сделаны руками карликов, эльфов или фей размером не больше мыши! Вот вам две крайности, и обе, я уверен, являются результатом знания тех же утраченных физических законов. В одном случае мы имеем дело с обычным изделием ручной работы увеличенным в тысячи раз, в другом - с таким же обычным изделием ручной работы, уменьшенным в равной степени. Это, - он весело рассмеялся такому сравнению, - все равно что рассматривать объекты через противоположные концы телескопа: кажется, что в одну сторону они увеличиваются, а в другую - уменьшаются! - И вдруг, - Карамба! - воскликнул он, вскакивая на ноги и переходя на свой родной язык, как делал всегда, когда был сильно взволнован. - А это идея, источник вдохновения! Друг мой, эти золотые бусины, должно быть, были изготовлены с помощью линзы! Ни один человек нормального роста не смог бы совершить этот подвиг иначе, и мы знаем, что это работа людей нормального роста, потому что вы сказали мне, что другие предметы обычного размера и что фрагменты скелета, которые вы раскопали, принадлежат обычным людям. Ах, мы должны найти эти линзы. Даже если я не смогу разгадать загадку законов и сил, которые

позволили доинкам возводить свои титанические сооружения, я все равно смогу совершить эпохальные открытия в области оптики.

- С вашего позволения, дон Алфео, я буду сопровождать вас, когда вы вернетесь в Эсмеральдас. Где-то в округе мы должны найти линзы. Такие вещи нетленны, и я не уверен, нет, я не осмеливаюсь высказать такую безумную мысль, но ключ к тайнам может быть раскрыт, когда мы найдем эти доисторические увеличительные стекла.

Я был уверен, что в плодовой голове моего друга зародилась какая-то новая теория. Его воображение разыгралось, устремилось вперед и ухватилось за какую-то подсказку, деталь или еще какую-то особенность, которые ускользнули от меня, и визуализировало некоторые из них, возможное решение загадок, которые он так долго пытался разгадать. Лично я не видел никакой связи между циклопической каменной отделкой интерьера и этими миниатюрными золотыми изделиями с побережья. Они были далеки друг от друга, как антиподы, работы двух разных рас, предметы из совершенно разных материалов и, насколько я или кто-либо другой знал, принадлежали к разным эпохам - возможно, их разделяли сотни, даже тысячи лет. Археологически и антропологически бусы были наиболее интересны как открывающие новые черты культурного центра, и в то время как они вызвали у меня удивление и интерес, но то, как они были сделаны, было проблемой, которая, строго говоря, едва ли относилась к археологии. У меня мелькнула мысль, что создатели бус, должно быть, обладали замечательным зрением и необычайно ловкими и тонкими пальцами, и на мгновение я тоже подумал, что, возможно, у них были какие-то линзы. Но, насколько известно, ни одна доисторическая раса не обладала даже отдаленными или рудиментарными знаниями в области оптики, и я отклонил это предположение. Идея показалась мне неразумной, причудливой и выходящей за рамки научных рассуждений.

Я видел, как живые индейцы, такие как мапуче в Чили, сплетали из конского волоса чрезвычайно маленькие фигурки, и как подслеповатые женщины племени пима плетут гнезда из корзин идеальной формы, самая большая из которых едва достигает дюйма в диаметре, а самая маленькая - едва ли четверть квадратного дюйма, и мне показалось вполне возможным, что древние обитатели Манаби могли невооруженным глазом вырезать и спаивать крупинки золота. Для современного белого человека, с обычным зрением, с искусственным освещением и отсутствием подготовки, сделало бы такой подвиг совершенно невозможным. Но Амадор, как я уже говорил, обладал живым воображением, любовью ко всему таинственному и мистическому, огромной долей романтики, что было вполне естественно, я бы даже сказал, необходимо, учитывая науку, которой он был предан, будучи опытным теоретиком. Здесь я мог бы уместно пояснить, что между двумя науками, которые мы представляли, лежит очень большая пропасть. Археология и антропология - это наука, основанная на фактах. Археолог и антрополог совершают открытия, выявляют неопровержимые факты и на основе полученных материалов и данных формулируют теории и гипотезы, которые согласуются с фактами.

Физик, напротив, разрабатывает абстрактные теории, формулирует сложные законы и математические уравнения и, исходя из них, пытается доказать факты и продемонстрировать точность своих расчетов. Амадор, конечно, не был полностью ученым-теоретиком, но понимал, что во многих случаях факты должны быть на первом месте, а теория - на втором. На самом деле я часто в шутку говорил ему, что мир потерял самого блестящего археолога, когда он посвятил свою жизнь физике, поскольку его замечательная наблюдательность, интерес к доисторическим предкам и способности к дедукции позволили бы ему достичь высочайших высот в этой области.

Но вернемся к более конкретным вопросам. Рамон, конечно же, сопровождал меня несколько месяцев спустя, когда я отправился в Южную Америку, и со временем мы оказались в Эквадоре. Я думал, что мое собственное снаряжение было очень полным и, как бы я ни сожалел об этом, слишком громоздким для путешествия по сырой и несколько дикой местности.

Но по сравнению с вещами моего друга мой багаж был незначительным. Он не только имел при себе самое полное и современное полевое снаряжение, состоящее из новейших палаток, походной мебели, кухонных принадлежностей и т.д., а также одежды, оружия, запасов продовольствия, которых хватило бы большому отряду на месяцы исследования тропиков, кроме того, мы привезли с собой самую совершенную научную лабораторию с полным химическим и механическим оборудованием для проведения испытаний и экспериментов в области оптики и физики. Я смотрел с тревогой на бесчисленные ящики, коробки, пакеты, корзинки, кофры, сумки и другие пакеты, которые были выброшены из трюма на покосившейся скамье в порту Гуаякиль.

Я предвидел немалые трудности с транспортировкой этой горы хлама вверх по побережью на покрытые джунглями берега реки в Манаби, но я не учел находчивости моего друга и его знакомства с местными условиями. Я гордился своим опытом и знанием Латинской Америки и латиноамериканцев, своей способностью добиваться больших успехов в общении с местными жителями, но рядом с Рамоном я был всего лишь любителем. Расшаркиваясь, шутя, уговаривая, лстя, проклиная, восхваляя оборванных метисов-пеонов, чиновников в форме, сутулых грузчиков, моряков и бесчисленных прихлебателей, он вскоре заставил их смеяться и работать как одержимых, мгновенно подчиняться ему, соперничать друг с другом, чтобы угодить ему, и за невероятно короткое время весь наш багаж был погружен на грязную каботажную шхуну, и мы были готовы к долгому и утомительному путешествию вдоль побережья.

Глава 2

Мы добрались до места в назначенное время, и, когда я прибыл туда, где в предыдущем сезоне я добыл образцы, и завершил свои раскопки, лаборатория профессора Амадора и его оборудование вскоре были распакованы и установлены, образовав довольно внушительное ядро цивилизации посреди дикой природы. Тем временем я обустроил свою собственную, гораздо более скромную и простую штаб-квартиру, поручил своим людям расчищать джунгли, которые выросли как по волшебству со времени моего последнего визита, и занялся поисками наиболее многообещающего места, где можно было бы возобновить свою полевую работу.

Рамон, как только освоился, надел старую одежду «буш», принялся за работу вместе с нами и вскоре показал, что способен справляться с черновыми обязанностями не хуже любого опытного разнорабочего. Он проявлял живейший интерес к местности, задавал бесчисленные вопросы, наблюдал за всем, что я делал, и за удивительно короткое время приобрел замечательные познания в археологии.

Из всех людей, которых я когда-либо встречал, у него были самые пронизательный взгляд на вещи, и он был удивительно наблюдательным. Несколько раз он обнаруживал ценные и интересные экземпляры, которые у меня оставались незамеченными. Пока продолжались раскопки, он следил за каждой лопатой земли, как ястреб, и набрасывался на каждый найденный фрагмент черепка или отколотый камень. Место, где мы работали, находилось на довольно ровной аллювиальной равнине между двумя ручьями, что-то вроде мыса, который, очевидно, в прошлом часто затапливался. То, что здесь также располагалась густонаселенная деревня или город, было очевидно, поскольку по всем крутым берегам реки были разбросаны черепки, каменные орудия и остатки кострищ. Очевидно, это место также было заселено в течение длительного времени, поскольку следы пребывания людей простирались от нескольких футов под поверхностью до глубины более двадцати футов. А поскольку почва была буквально усеяна черепками, копать приходилось медленно. Каждый раз, когда обнаруживался фрагмент глиняной посуды, приходилось действовать очень осторожно. Часто мы часами работали маленькой лопаткой и веничком для взбивания, чтобы закрепить какой-нибудь фрагмент, не разрушив его полностью. И поскольку мы не находили ни следов золотых украшений, ни после нескольких дней работы не было обнаружено никаких следов материала, который мог бы служить линзой профессору Амадору надоело наблюдать за явно бесплодными трудами, и он побрел по узкому галечному пляжу вдоль ручья.

Именно в самом ручье я обнаружил мельчайшие золотые бусинки и, зная, что они, должно быть, были вымыты с берегов, предположил, что они попали сюда из деревни. Вооружившись золотой сковородкой, Рамон принялся промывать гравий в ручье и пришел в неописуемый восторг, когда ему тоже удалось раздобыть несколько дюжин таких бусин. Но его интересовало только то, каким образом древний Манабис изготавливал украшения с орнаментом, и когда на второй день своего пребывания, он что-то громко крикнул мне, и я был уверен, что он сделал открытие. И я не ошибся. Из речного гравия он извлек кусочек полупрозрачного зеленого материала, который, если бы я на него наткнулся, то выбросил бы как осколок зеленой стеклянной бутылки, остаток одной из моих собственных бутылок, выброшенных в прошлом сезоне. Но Рамон, который сосредоточенно рассматривал осколок с помощью карманной лупы, заявил, что это не стекло.

- Хм, возможно, изумруд, - полушутя предположил я.

- Нет, и это не берилл, - ответил он, все еще щурясь сквозь лупу. - Он чрезвычайно легкий - насколько я могу судить, намного легче алюминия. Но, - он глубоко вздохнул от разочарования, - он слишком мал, чтобы от него была какая-то польза.

Я рассмеялся.

- И для чего же ты надеялся его использовать?

Он поднял на меня удивленный взгляд, и в его прекрасных глазах промелькнуло удивление.

- Использовать? Возможно, это материал, который доисторические люди использовали для изготовления линз. Оно было бы почти идеально прозрачным, если бы не огрубело и не стерлось под воздействием воды и песка.

Я не смог удержаться от недоверчивой улыбки.

- Вряд ли, - заявил я. - Я действительно не думаю, что даже первобытный человек выбрал бы материал такого цвета, когда кругом полным-полно чистого кварца. Нет, Рамон, если люди когда-либо пользовались линзами, я готов поспорить, что они делали их из прозрачного кварца.

- Спорить бесполезно, - сказал он с решимостью в голосе. - Но каким-то образом, каким-то предчувствием или наитием, или чем-то в этом роде, я все это время чувствовал, что мы собираемся сделать здесь эпохальное открытие. Возможно, именно поэтому я испытываю восторг и интерес ко всему необычному. И этот кусочек зеленого минерала тоже необычен. Интересно, откуда он взялся?

Оставив его размышлять над этим вопросом, я вернулся к своим поденщикам, которые, как только я повернулся к ним спиной, тут же бросили работу. В полдень рабочие прекратили работу, и я пошел на обед и обнаружил, что профессор еще не вернулся. Даже тогда я не был обеспокоен, поскольку предполагал, что Рамон все еще занят промывкой гравия и поиском фрагментов зеленого камня. Я послал Луи, нашего помощника по лагерю, позвать его, а сам занялся своим обедом. Когда Луи вернулся и заявил, что не может найти Рамона, я слегка встревожился. На самом деле я уже собирался сам отправиться на его поиски, когда он появился с противоположной стороны, откуда шел, когда я видел его в последний раз.

- Может, ты и опытный археолог, - с ухмылкой объявил он, входя в лагерь, - но ты совершил большую ошибку, потратив время на раскопки здесь. Что ты об этом думаешь?

С этими словами он сунул руку в свой рюкзак и достал прекрасную статуэтку из ляпис-лазури. От удивления я потерял дар речи. Это был самый совершенный образец доисторического искусства. Я никогда не видел такой резьбы по камню. Это было намного лучше, чем у любого майя, ацтеков или инков. Человеческая фигура высотой около десяти дюймов, изображающая сидящего на корточках человека, руки которого покоятся на коленях, а голова увенчана замысловатым шлемом уникального дизайна.

- Где, скажи на милость, ты это нашел? - Воскликнул я.

Он усмехнулся, накладывая себе еду, которую Луис поставил перед ним.

- Немного выше по течению, - ответил он, обглаживая ножку дикой индейки. - Я предлагаю, после обеда отправиться на это место и прекратить бесполезное копанье разбитых кухонных горшков. Место, где я нашел маленького идола, - это то самое место, откуда были привезены золотые бусы. Там довольно обширные руины. Я обнаружил несколько каменных колонн, выступающих над землей и торчащих наружу. Я поднялся с берега и поднял маленького голубого божка с того места, где он упал на пляж. Я не утверждаю, что что-то знаю о твоей работе, друг мой, но, если я не ошибаюсь, место, которое я нашел, было храмом или чем-то в этом роде. Мне кажется, что там у нас будет гораздо больше шансов найти ключ к разгадке — возможно, те самые линзы, которыми пользовались эти люди. И, - добавил он, словно спохватившись, - если ты присмотришься к этой маленькой статуэтке с помощью карманной линзы, то обнаружишь, что, по-видимому, равномерно гладкая поверхность полностью покрыта замысловатой резьбой, невидимой невооруженным глазом.

Рамон был прав. К своему величайшему изумлению, я обнаружил, что на поверхности ляпис-лазури был глубоко выгравирован красивейший и тонкий орнаментальный узор, хотя невооруженным глазом поверхность казалась едва шероховатой. Это было еще более удиви-

тельно, чем почти микроскопические золотые бусины. Я не мог представить себе человека, обладающего зрением и осязанием, которые позволили бы ему вырезать огнеупорный камень таким способом, даже если бы у него была линза. Но неоспоримое доказательство было передо мной, и я засыпал Рамона вопросами о новом месте, которое он, к счастью, обнаружил. Он мало что мог добавить к той скудной информации, которую уже предоставил, но из этого немногого я убедился, что новое место было самым многообещающим, и после обеда был отдан приказ сворачивать лагерь и двигаться вверх по течению. Работа шла медленно, и солнце уже закатилось за пальмы на западе, когда наши лагерь, лаборатория Рамона, оборудование и все наши принадлежности были перенесены в восхитительное место на невысоком холме над рекой, примерно в пяти милях от нашего первоначального места дислокации.

Мой друг не преувеличивал. Скорее, он преуменьшил важность своего открытия. Повсюду, на обширной территории, виднелись выступающие над землей оконечности огромных каменных колонн. Некоторые из них были простыми, другие - скульптурными, и когда мы расчистили джунгли, то наткнулись на многочисленные глыбы тесаного и скульптурно обработанного камня, а не на несколько монолитных каменных изображений или идолов.

Как и предполагал профессор Амадор, это место, очевидно, использовалось как большой храм или место для проведения церемоний, и здесь, как нигде, мы могли ожидать археологических сокровищ и вещей, с помощью которых древние обитатели острова изготавливали свои микроскопические бусы и выгравировали свои невидимые узоры на камне.

Я хотел бы подробно описать ход нашей работы, сделанные нами находки, замечательные артефакты, которые мы добыли, но этому нет места в этом отчете о находке и исчезновении профессора Амадора. Достаточно сказать, что мы наткнулись на археологическую сокровищницу, на самое ядро доисторической цивилизации манаби, и ежедневно, по мере того как продолжалась моя работа и накапливались мои образцы, вопросы, которые до сих пор оставались загадочными, получали объяснение. Странные резные каменные сиденья, характерные для этой культуры были многочисленны и отличались разнообразием размеров. Каменные идолы и замечательные резные плиты были бесчисленны. Мы наткнулись на множество необычных глиняных сосудов эллиптической формы, прекрасной работы, известных только этой культуре, и, в дополнение к этим предметам, уже хорошо известным науке. Мы получили бесценные находки. образцы в виде кованных и резных бусин, украшений и фигурок из драгоценных и полудрагоценных камней. Агат, сердолик, нефрит, лазурит, малахит, кварц, гранат, аметист, берилл, топаз, даже несколько изумрудов и сапфиров были огранены, перфорированы, отполированы и покрыты микроскопической гравировкой Манаби, и, судя по их обилию, с почти такими же усилиями, как если бы тугоплавкими минералами были мягкие известняки. Кроме того, и это было для меня самым интересным, здесь было много предметов из меди и серебра, покрытых золотом. Как древние ремесленники покрывали простые металлы золотом, оставалось загадкой, и Рамон был почти так же глубоко заинтересован в решении этой проблемы, как и в поисках своей теоретической линзы.

С самого начала мы находили микроскопические золотые бусины, а также другие, не менее мелкие, сделанные из самых твердых камней, и в нескольких случаях мы находили сотни и тысячи таких бусин, спрятанных в глиняных сосудах. Я искренне верю, что в течение нескольких недель Амадор спал в среднем менее часа в сутки. В конце рабочего дня он отправлялся в свою лабораторию и всю ночь посвящал интенсивным исследованиям и выполнению длинных и запутанных расчетов, основанных на полученных прекрасных образцах миниатюрной ручной работы. Его идея, как он объяснил, заключалась в том, чтобы определить, насколько большим увеличением должны были обладать мастера, чтобы вручную выполнить гравировку и перфорацию предметов.

- Если я смогу определить этот момент, - заявил он, - я буду знать, обладали ли они какими-либо знаниями в области продвинутой или элементарной оптики, и, возможно, мне

удастся установить тип линзы, которую они использовали, и даже материал, из которого она была изготовлена. Учитывая увеличение, нет ничего невозможного в том, чтобы определить размер, кривизну и другие детали линзы.

Должен признаться, с моей точки зрения, это казалось безнадежной тратой времени и энергии. Если Манابي когда-нибудь пользовались линзами, то, я был уверен, рано или поздно мы их найдем. И если бы они этого не сделали, то все труды моего друга были бы напрасны. Боюсь, что у меня не хватает терпения — или, скорее, я бы сказал, что в то время у меня было мало терпения по отношению к абстрактным теориям, основанным исключительно на предположениях. Если бы мы нашли объектив, я бы вполне мог понять желание Рамона разобраться в его деталях и свойствах, но я не мог понять его точку зрения на определение детали объектива, который, вполне возможно, на самом деле никогда не существовал. Но это было делом профессора Амадора, а не моим, и я полагаю, что он видел столь же мало пользы в том, что я собирал тысячи образцов и пытался реконструировать жизнь, обычаи, религию и тому подобное давно вымершей расы людей.

И вот однажды утром он появился с торжествующим выражением на лице.

- Я сделал великое открытие, - объявил он. - Я завершил свои расчеты и убежден, что линза — или устройство, — которым пользовались эти люди, полностью отличалась от всего, что известно современной оптике или физике. Ни один известный материал и ни одна известная форма линзы не увеличили бы изделие настолько, чтобы человек мог выполнить такую мелкую работу, какую мы обнаружили.

- Хм, - пробормотал я, - не понимаю, друг мой, как это может помочь делу, даже если ты прав. Пока ты не выяснишь, что они использовали, если они вообще что-то использовали, ты ни на шаг не приблизишься к решению своей проблемы. И я признаю, что немного скептичен по этому поводу. Как ты можешь быть уверен, что невозможно отшлифовать стеклянную или кварцевую линзу для получения желаемого увеличения? У нас есть объективы для микроскопов, которые позволяют увеличивать в сотни и тысячи раз.

Рамон улыбнулся.

- Ты забываешь, друг мой, что такие мощные объективы имеют чрезвычайно короткую фокусировку. Боюсь, что твои знания законов оптики весьма примитивны. Чем больше увеличение, тем короче фокусное расстояние, или, чтобы перевернуть уравнение и подчеркнуть истинность моих аргументов, тем ближе объектив должен быть направлен на объект, который требуется увеличить. Мои расчеты, вне всякого сомнения, доказывают, что для того, чтобы люди могли вырезать узоры на этих изделиях из драгоценных камней, поверхность должна быть увеличена по меньшей мере на двести пятьдесят диаметров. Так вот, мой дорогой друг, любая известная форма линзы, способная к такому увеличению, будет иметь поле зрения диаметром менее одной восьмой дюйма - примерно три миллиметра. Чтобы такая линза могла четко сфокусироваться, ее нужно было бы разместить в пределах одной сотой дюйма от поверхности, подлежащей увеличению, - на самом деле это должна была бы быть иммерсионная линза, и, следовательно, одному человеку было бы абсолютно невозможно использовать инструмент, находящийся между линзой и поверхностью, на которую она была наведена. И даже если предположить, что линза может быть изготовлена в соответствии с требованиями данного случая, ты должен помнить, что кончик или кромка инструмента, используемого для резки камня или металла, будут одинаково увеличены и будут казаться гигантскими и грубыми. Это было бы чем-то похоже на использование кирки для гравировки медной пластины для визитной карточки.

Я ничего не мог сказать в опровержение. Если его утверждения были верны, а я слишком хорошо его знал, чтобы подвергать их сомнению, то, казалось бы, его выводы были логичными. Я сам привык пользоваться микроскопом, и хотя в своей работе мне никогда не приходилось прибегать к очень высокой мощности, все же, когда я задумался об этом, я вспомнил, что даже

объектив со сравнительно низкой мощностью имеет короткую фокусировку и небольшое поле зрения, и с ним нужно быть предельно осторожным. И я также вспомнил, что мой профессор биологии в колледже предупреждал меня быть очень осторожным, чтобы не разбить предметные стекла микроскопа, привинчивая к ним линзу. Значит, Рамон, должно быть, прав, по крайней мере, в некоторых своих выводах. Но, на мой взгляд, он все равно исходил из ложных или, по крайней мере, необоснованных предпосылок.

- Даже в этом случае, - возразил я наконец, - нет необходимости предполагать, что у манаби были линзы неизвестного материала или конструкции. Их глаза могли отличаться от наших, или, — добавил я полушутливо, - они могли обладать каким-нибудь механическим устройством, какой-нибудь машиной, которая позволила бы добиться таких удивительных результатов. У нас есть оборудование, которое может гравировать сталь и другие материалы с гораздо более тонким рисунком, чем любой из тех, что мы нашли здесь.

- Ты пытаешься поймать комара, а проглотил верблюда, - рассмеялся Рамон.

- Ты прекрасно знаешь, что доисторические народы не имели представления о механике, в том числе о колесе, без которого механические устройства были бы совершенно невозможны. Ты просто не хочешь признавать, что чистые и однозначные теории могут быть правильными, что математические задачи могут решать вопросы о которых у нас нет достоверных сведений, или о том, что можно предположить существование чего-либо, пока не будут найдены конкретные доказательства его существования.

- Но, - уверенно закончил он, - я убежден, что еще до того, как ты закончишь здесь раскопки, ты найдешь такие конкретные свидетельства, и когда они будут найдены, они подтвердят мои теории и расчеты.

Несколько дней спустя он снова заговорил об этом. На этот раз он признался, что просто теоретизировал.

- Я глубоко задумался над этим вопросом, - заявил он, когда мы вместе завтракали, - и я почти пришел к выводу, что существует определенная связь между мельчайшими бусинками, микроскопической резьбой и предметами, покрытыми позолотой. Я мог бы даже пойти дальше и заявить, что в глубине у меня есть ощущение, что существует прямая связь между всем этим и титанической обработкой камня в Андском регионе. Возможно, ты помнишь, что, когда я впервые увидел золотые бусы, я отметил, что они и изделия из камня доИнкской эпохи похожи на то, как будто смотришь на предметы через два конца телескопа. Возможно ли, что Манаби использовали те же самые средства для выполнения своих ритуалов? Обработка, невидимая невооруженным глазом, не могла быть изменена таким образом, чтобы доИнкские люди могли выполнять работу, которая, по-видимому, была свойственна гигантам?

Я искренне рассмеялся.

- Мой дорогой Рамон, - воскликнул я, - как визуальное уменьшение камня весом в пятьдесят тонн повлияет на его физические свойства? Он все равно оставался бы огромной скалой и весил бы пятьдесят тонн, даже если бы глазу наблюдателя через «неправильный конец телескопа», как вы выразились, он казался незначительным камешком? С таким же успехом вы могли бы предположить, что камни были действительно маленькими и после огранки были обработаны какой-то магией, которая заставила их увеличиться в размерах и оставаться такими, или что эти золотые бусины были сделаны и обработаны, когда достигали фута или двух в диаметре, а затем — каким-то оккультным способом - были уменьшены до их нынешнего размера. Нет, нет, Рамон, я допускаю возможность, хотя и не самую вероятную, использования линзы. Хотя, вероятно, это была грубая, случайно сделанная пластинка кварцевого кристалла, - но я не могу допустить, даже в качестве аргумента, что доисторические американцы обладали способностью изменять внешний вид и пропорции неорганического вещества.

Профессор Амадор лишь улыбнулся.

- Десять, двадцать, пятьдесят лет назад с этим можно было бы согласиться, - задумчиво ответил он. - Но сегодня мы знаем о уверенности в том, что неорганическая материя - и органическая в том числе не является неизменным материалом, каким его считали наши предки. Как вам хорошо известно, вся материя, включая нас самих, состоит из протонов и электронов. Это независимые тела, подвижные, переносимые, изменяемые. Определенные комбинации или группировки протонов и электронов производят определенные эффекты. Такие группировки могут оставаться неизменными бесконечно долго или постоянно меняться. Камень может оставаться неизменным в течение бесчисленных столетий или при других условиях он может полностью исчезнуть, как скала, за короткое время. Почему? Из-за эрозии, скажете вы, выветривания, по той или иной причине. Верно. Но именно изменение электронной структуры приводит к исчезновению камня, хотя погода или стихии могут вызывать электронные изменения. Семя прорастает и превращается в дерево. Почему? Потому что атомы, входящие в состав его молекул, изменяют свое расположение и количество. Воздух, вода и солнце, а также их собственная жизненная сила заставляют их меняться. Мы можем взять огромную массу дерева, кожи, металла и уменьшить его до доли от прежнего размера, и он останется уменьшенным только потому, что мы заставили составляющие его атомы принять другую комбинацию. При желании мы сможем увеличить количество материала таким же образом. Все зависит от расположения электронов и вибрационных волн. Что происходит, когда сгорает табак в трубке, которую вы курите? Вы, ученый, хотите сказать, что табак на самом деле уничтожен, что, попыхивая трубкой, вы уничтожаете часть материи Вселенной? Нет, вы просто изменили электронную комбинацию. Ваш табак все еще существует, хотя и в измененном виде. Вы производите пепел, газы, дым, жидкости, твердые вещества, заставляя протоны и электроны исходного табака с помощью огня и воздуха принимать новые сочетания и формы. Даже человеческое тело и тела животных всех видов в том же смысле неразрушимы. После смерти электронные комбинации и вибрационные волны, которые создают наши живые тела, изменяются. Постепенно они принимают новые и неузнаваемые формы. Одни превращаются в газы, другие - в твердые тела, третьи - в жидкости, и со временем они меняются еще больше. Они становятся суглинком, растениями, овощами. Они снова изменяются и становятся составными частями новых существ, даже других мужчин и женщин. Насколько нам известно, даже наш менталитет, наш дух или душа, это всего лишь формы электронной или вибрационно-волновой энергии. Насколько нам известно, те же самые формы энергии могут, редко или часто, вновь принимать свои прежние сочетания и порождать перевоплощенных существ с теми же мыслями, теми же идеалами, теми же реакциями, та же самая любовь и ненависть, как тех, кто умер сотни или тысячи лет назад.

В свете современной науки нет ничего невозможного, друг мой. То, что кажется невозможным или, по крайней мере, невероятным сегодня, завтра может стать обычным делом. Разве есть что-то более удивительно, чем представить себе маленький камешек, превращенный в гигантский монолит, или статую в натуральную величину, уменьшенную до миниатюры, чем представить себе человеческий голос - живое, говорящее изображение человеческого существа, передающееся по воздуху на сотни, тысячи миль? Заметь, я не утверждаю, что эти доисторические люди обладали какой-то неизвестной нам способностью постоянно изменять пропорции предметов. Но мы должны признать (или же опровергнуть показания наших пяти органов чувств), что они обладали некоторыми знаниями, о которых мы, к сожалению, ничего не знаем. И я несколько не удивлюсь, если, когда мы раскроем этот секрет, окажется, что все было именно так, как я и предполагал.

- Ух ты! - Воскликнул я. - Неудивительно, что у вас репутация самого сильного лектора по физике в мире. Да, я признаю, что все, что вы говорите, это неопровержимая истина, признанная наукой. На самом деле, я мог бы привести немало фактов и примеров в доказательство этого. Но это ничего не доказывает, и пока вы не сможете либо обнаружить это утрачен-

ное волшебство, либо разработать теорию, которая может быть доказана повторением этой магии, вы ни на шаг не приблизитесь к решению головоломки. И еще, - добавил я, поднимаясь, чтобы отправить своих пеонов копать, - полагаю, ты предполагаешь, что медные предметы были покрыты золотом благодаря способности манаби превращать часть меди в золото с помощью какой-то неизвестной и утраченной силы. Это заставило бы древних алхимиков позеленеть от зависти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.